

Староверие стало одним из важнейших факторов интенсивного освоения Сибири в XVII–XX веках. Правительственные репрессии лишь стимулировали этот процесс – беглецы, ищущие условия для свободного вероисповедания и хозяйствования, уходили в глубь страны, осваивая новые, еще не обжитые территории.

Ключевые слова: старообрядчество, освоение Сибири, крестьянство, промышленность

Освоение Сибири и старообрядчество

Н.Н. ПОКРОВСКИЙ, *академик РАН*, Н.Д. ЗОЛЬНИКОВА, *доктор исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск*

Распространение староверия

Изучение восточных земель России, колонизация новых территорий и их освоение – торговое, промысловое, земледельческое, промышленное – изначально были связаны со старообрядчеством. Уже в сентябре 1653 г. за яростное сопротивление церковной реформе Никона был сослан в Тобольск один из «отцов-основателей» староверия – протопоп Аввакум. Прибыв в сибирскую столицу в декабре, он в первый раз пробыл там до июня 1655 г., пользуясь сначала относительной свободой церковной проповеди и личных бесед. Эти месяцы принесли сибирскому староверию немало убежденных сторонников. Аввакум, вероятно, читал в Тобольске главное тогдашнее сочинение о Сибири, ее истории и природных богатствах – Есиповскую летопись¹.

Знаменитый путь Аввакума в качестве ссыльного, нещадно избиваемого командиром военной команды, за Байкал в Даурию, еще не освоенные территории страны, с неповторимой экспрессией и страстностью описан протопопом в его «Житии», которое на века стало одним из самых почитаемых староверами текстов.

Сцены суровых насилий за проповедь «старой веры» в «Житии» перемежаются прекрасными описаниями богатой

¹ Демкова Н.С. Комментарий / Пустозерский сборник. Автографы Аввакума и Епифания. – Л., 1975. – С. 237–238.

сибирской природы: «О горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть – заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы – перие красное, вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейския... и лебеди, и иные дикие – многое множество, птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, изубри и лоси, и кабаны, волки, бараны дикия – во очию нашу, а взять нельзя!»².

И далее – описание гор за Байкалом на обратном пути: «Лук на них растет и чеснок, болши романовскаго луковицы, и слаток зело. Там же растут и конопли богорасленные, а во дворах травы красныя – и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей, – по морю (Байкалу. – **Н.П.**) яко снег плавают. Рыба в нем – осетры и таймени, стерледи, и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во окиане-море, живучи на Мезени, таких не видел. А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирны гораздо, – нельзя жарить на сковороде: жир все будет»³.

И сам Аввакум, и его соузники и ученики сохраняли прочную связь с востоком страны, а авторитет первых мучеников староверия приводил к тому, что в городах и селах Сибири возникали первые тайные общины ревнителей древней веры. О том, что Сибирь стала наполняться староверами, с тревогой отмечалось уже на церковном соборе 1681 г.

Количество проповедников, выступавших против власти и официальной церкви, заметно увеличилось в последней четверти XVII в., когда преследования староверов стали массовыми. В это время в Сибири было положено начало сети тайных лесных убежищ старообрядцев, представлявших собой нечто среднее между крестьянской заимкой и небольшой (2–12 монахов) «пустынью» – скитом, в котором беглец молился Богу, спасая душу «в последние времена». Старообрядческие скиты стали своеобразными приходскими центрами, к которым тяготела крестьянская или заводская

² Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. – Иркутск, 1979. – С. 32.

³ Житие протопопа Аввакума... – С. 46.

округа. Власти не раз громили такие скиты, которые постепенно складывались в цепочки пристанищ для всех бежавших в Сибирь от крепостного права, а позднее – и от рекрутчины. Задача их полной ликвидации веками оказывалась непосильной для властей и военных команд, так как скиты было трудно обнаружить, а после разгрома они легко восстанавливались в непроходимых лесах на огромных пространствах от Урала до Алтая.

Староверие становится одним из важных факторов интенсивной тайной колонизации Сибири. Правительственные репрессии лишь ускоряют этот процесс: желание властей заставить своих строптивых подданных нести немалые повинности и исполнять обязательные работы наталкивалось на растущее стремление беглецов найти хотя бы в самых непроходимых дбрях условия для свободного исповедания веры и хозяйствования, не обремененного фискальным гнетом, поборами чиновников и крепостническими отношениями.

Тайные заимки староверов на века оказались связанными с процессом земледельческого и скотоводческого освоения новых территорий, подчас довольно глухих их уголков. Но был и обратный процесс, когда уже расчищенные для пашни леса, островки аграрного освоения, погибали под ударами правительственных репрессий.

В ответ на попытки насильно обратить в «никонианскую» веру, старообрядцы собирались в тайных убежищах и при подходе военных команд предавали себя самосожжению.

В первой «гари» на р. Березовке в Тобольском уезде, организованной старообрядческим деятелем Доментианом, 6 января 1679 г. погибло 1700–2000 чел. В том же году произошло самосожжение в Мехонской слободе, а другое удалось предотвратить. Тогда же около 40 чел., собравшихся для самосожжения в с. Мостовка, перечислили в пространной «сказке» насилия и вымогательства местного приказчика и просили оставить их в старой вере.

В 1682 г. в Утяцкой слободе Тобольского уезда сгорело 104 чел., в 1687 г. в лесу близ Киргизской слободы Верхотурского уезда – 100 чел., на р. Пышме в д. Боровикове Куяровской слободы – около 150 чел., на р. Тегень в Тюменском уезде – более 300 чел. В 1688 г. в результате «гари» в Новой Деревне близ Красноярска погибло около 30 чел. В том же году в Верхотурском уезде сгорели семь известных староверов Лепихиных, в д. Реченге на Пышме – еще около 50 чел., а в деревне на р. Юрмыч Киргинской слободы – более 50 чел.

Вся эта волна опустошительных «гарей» напрямую связана с карательным законодательством последней четверти XVII в., особенно с законами царевны Софьи, грозившими сожжением за принадлежность к старой вере.

Провозглашение веротерпимости в первые годы правления Петра I привело к значительному сокращению «гарей». Однако постепенно усиление преследований ревнителей «старой веры» привело к новым самосожжениям. В декабре 1715 г. военная команда была послана против Кошутской пустыни в тюменских лесах. Здесь действовали руководители умеренного крыла поморских староверов брата Украинцевы, но прямое военное насилие привело к трагедии, в которой погибло 149 чел.

В 1722 г. казачий гарнизон староверов г. Тары отказался подписываться под странным текстом присяги о престолонаследии, где не было указано имя наследника: тут же распространился слух, что на деле речь идет о присяге самому антихристу. Вооруженное подавление этого бунта и последовавшие жесточайшие репрессии привели к многолетнему запустению целой округи и вызвали около десятка самосожжений по всей Западной Сибири⁴.

Последняя крупная вспышка сибирских самосожжений (около 20) приходится на 1750–1756 гг. и связана прежде всего с энергичной попыткой тобольского митрополита Сильвестра немедленно покончить с нарушениями сурового антираскольнического законодательства в его епархии⁵. Гораздо более терпимое к староверам законодательство Екатерины II привело к постепенному сокращению сибирских самосожжений.

Староверы в промышленности

Петровские и послепетровские времена ознаменовались важным экономическим явлением: открытием уральских, а затем алтайских и нерчинских руд и созданием мощностей по их выплавке и обработке. Острая необходимость в металле,

⁴ Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. – Новосибирск, 1974. – С. 34–66.

⁵ Там же. – С. 252–287.

начавшаяся с Северной войны, заставила государство стимулировать развитие разведки, добычи и обработки черного и цветных металлов.

Это новое и весьма трудоемкое дело требовало хороших знатоков неизведанных территорий, а также немалого количества рабочей силы (напомним, что тогда выплавка металла происходила на древесном угле). Вполне объяснимо, что старoverы оказались среди самых первых рудознатцев, открывателей месторождений Урала и Алтая. Заводчики, несмотря на понятный риск, охотно ставили их приказчиками на своих предприятиях, а подчас – даже строителями оных. При этом покровительство владельцев заводов позволяло им разными способами обходить официальный статус беглых крепостных; отношения с работодателями строились на новой основе.

Приведем два примера. Влиятельный старover Родион Федорович Набатов происходил из семьи крепостных крестьян Троице-Сергиевой лавры, еще в ранней юности бежал на Урал, в скитаниях стал умелым рудознатцем, услугами которого с немалой выгодой пользовались Петр Осокин и Акинфий Демидов. Он открыл несколько месторождений железных и медных руд, «построил и в действие произвел» известный Иргинский завод, осокинские соляные промыслы в Кунгурском уезде. Он находился в близких отношениях с семейством Осокиных. Позднее сын Осокина Михаил под его влиянием открыто перешел из православия в старообрядчество, что в конце концов стоило Набатову свободы и жизни. Набатов пользовался доверенностью А. Демидова, несколько раз занимал на его уральских и алтайских заводах высокие административные посты, даже управлял от его имени Колывано-Воскресенскими заводами. Свою административную деятельность, связанную с разъездами по Сибири, Уралу и даже поездками в Петербург, Набатов использовал как для торговли, так и для связи со старообрядческими деятелями.

На окраине Нижнего Тагила Набатову принадлежал хорошо известный лесным пустынным и беглым крестьянам обширный двор, где под носом у властей тайно располагался старообрядческий монастырек, укрепленный «с великою крепостию», – предосторожность эта оказалась не лишней.

Друг Набатова Иван Осенев был из ясашных крестьян Казанской губернии. В 1714 г. он вместе с отцом бежал в Холмогорскую волость, а когда их там достиг подушный оклад, они в 1723 г. передвинулись на екатеринбургские заводы. Дав изрядную взятку их начальнику Георгу Вильгельму де Геннину, они легализовали свое положение в Екатеринбурге. На новом месте Осенев стал успешно заниматься торговыми делами, вел крупные торговые операции не только от своего имени, но и от имени заводчиков Осокина и Демидова, принимал участие в заводских делах. Он был владельцем двух больших дворов в Екатеринбурге и одного при Шайтанском заводе. Мать Осенева Агафья Кондратьевна

происходила из семьи поморских крестьян-старообрядцев и сохраняла тесную связь с известными центрами старообрядчества в Поморье и на Керженце. Им принадлежало несколько дворовых людей, однако отношения с ними были у Осеневых куда сложнее, чем у обычных холоповладельцев. Так, например, «купленной в Питербурге чухонской породы Петр Стефанов», значившийся холопом И. Осенева, был видным старообрядческим деятелем, который связывал его с крупным центром урало-сибирского старообрядчества в деревне Таватуйской.

Дом Осенева при Шайтанском заводе был полной чашей – шесть лошадей, три коровы, огород, двое саней, два ковра и т.д.; одних предметов столовой и кухонной утвари опись 1736 г. насчитала 108. Были там и церковные книги, в том числе учебные. Осеневу принадлежали три лавки, несколько кораблей. Его торговые операции охватывали Урал и Зауралье, Западную Сибирь, обе столицы. Отправляясь однажды в Тобольск для нелегальной операции по освобождению беглых старообрядцев, Осенев прихватил с собой большую партию товара, за которую выручил в сибирской столице 1300 руб.

Осенев и Набатов вели деятельную жизнь. Успехи в торговле и горнозаводском деле позволили им вырваться из обычного сельскохозяйственного быта крестьянской семьи, приобрести немалые капиталы и положение на заводах. Но это были успехи полулегальные – юридически они оставались беглыми крестьянами. Им обоим часто приходилось преступать рамки закона даже в делах торговых и заводских, не говоря уже о старообрядческих. Пробившись в быстро формировавшуюся торгово-промышленную верхушку старообрядчества, они, по своему новому положению, естественно, тяготели к более компромиссному курсу в отношениях с властями. Но по происхождению, неустойчивости своего положения они были еще близки к крестьянской среде, могли успешно действовать в ней, лично знали видных тайных руководителей крестьянского радикального старообрядчества. Последнее оказалось особенно важным, когда после разгрома властями в начале 1720-х годов крупнейшего керженского центра староверия многие десятки тысяч его обитателей бежали на окраины страны, в том числе – на Урал и в Сибирь.

Беглецы были резервуаром рабочей силы для рудников и заводов; и именно на частных заводах умели ее использовать, создав своеобразную полулегальную систему «вольнонаемного» труда. И пока государство не в силах было совладать с ним, частная заводская промышленность процветала.

Новый начальник уральских заводов Василий Никитич Татищев писал в 1734 г., что в лесах близ заводов скрывается более трех тысяч беглых староверов, и признавал, что демидовские заводы с вчетверо меньшим числом рабочих выдают вдвое больше продукции, чем казенные⁶. Он также

⁶ Полн. собр. законов Российской империи. Собр. первое. – Т. IX. – № 6559. – С. 293.

жаловался, что «всеми харчами и потребностями» в это время торговали «олончане, туляки и керженцы – все раскольники»⁷. Но его попытки вернуть беглецов помещикам в Европейской России отнюдь не помогали процветанию уралосибирских заводов.

Тем не менее весь XVIII в. и первую треть XIX в. успешно действовали и способствовали экономическому процветанию староверов их разветвленные организации, охватывавшие весь Урал и Сибирь. Так, екатеринбургское купечество поднялось именно на использовании конфессиональных связей, перерабатывая на своих предприятиях скупленные на этих территориях продукты животноводства и земледелия, торгуя ими в стране и за границей. Лидеры купечества – Рязановы, Казанцевы, Тарасовы при поддержке заводчиков Расторгуевых, Харитоновых, Зотовых, Китаевых и их управляющих пытались добиться даже легализации староверия⁸. Надежды на это рухнули в николаевское царствование.

Гонения и новые миграции

Несколько факторов способствовало постепенному угасанию системы, созданной уралосибирскими заводчиками. Опасность использования нелегальной рабочей силы заставляла хозяев рудников и заводов настойчиво добиваться приписки к заводам целых селений, то есть все шире привлекать полукрепостной труд. Переход в Европе к выплавке металла на каменном угле менял роль российской металлургии в мировой экономике. Государство же, видя предыдущие успехи частных предпринимателей, поспешило забрать многие их заводы в свои руки.

В этих условиях деятельная верхушка староверия находит иные сферы приложения своих немалых возможностей.

⁷ *Кафенгауз Б.Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. – М., 1958. – С. 88–89; *Байдин В.И., Пихоя Р.Г., Шашков А.Т.* Что читали на Урале в XVIII в. / Книги старого Урала. – Свердловск, 1989. – С. 151–153. Здесь же содержится упоминание о влиятельных заводских приказчиках-староверах.

⁸ *Байдин В.И.* Новые источники по организации и идеологии уралосибирского старообрядчества в конце XVIII – первой половине XIX вв. / Сибирское источниковедение и археография. – Новосибирск, 1980. – С. 95.

С начала 1830-х годов капиталы все чаще вкладываются в сибирскую золотопромышленность, и торговые связи с единоверной округой теряют прежнюю актуальность. К тому же вскоре вся централизованная организация рухнет: с середины 1830-х годов начинается продлившаяся до конца царствования Николая I новая волна преследования староверов. Тысячи их попали под суд, многих приговорили к различным наказаниям, включая ссылку. Одновременно возросли роль побега в крестьянской колонизации востока России и влияние более радикальных старообрядческих общин⁹.

Пути крестьянских миграций, в том числе потаенных, уходили все дальше на восток и юг – на верхнюю и среднюю Обь, Енисей.

В 1750 г. Краснослободская канцелярия по доносу устроила успешную облаву на десяток беглецов, скрывавшихся по берегам Каранинского озера на северо-восток от Тюмени. Среди них было двое староверов, включая черноризца Семена Воротова, негласного лидера беглецов. Живший с ним в одной избушке крестьянин Семен Санников был ранее в своем селе «никонианским» церковным старостой. Побег сблизил крестьян разных конфессий, и проповедь староверия могла звучать особенно убедительно. Беглым удобно было пользоваться тайной сетью старообрядческих убежищ – ее создание предшествовало массовой крестьянской миграции.

Любопытно, что на Каранинском озере был по ошибке схвачен и некий крестьянин Л. Валов. Он не был беглым, так как исправно уплачивал все подати по своему главному месту жительства в деревне Земляной. На озере же у него было лишь отходное хозяйство. Это обычный путь: уходя от выпаванности земель и притеснений властей, крестьяне сначала заводили «отхожие пашенки», подчас в десятках верст от предыдущих поселений, а затем постепенно перемещались все дальше, иногда десятилетиями числясь за старыми своими селами¹⁰.

В 1760-х годах правительство с помощью войск в несколько приемов заселило Западную и Восточную Сибирь староверами, бежавшими когда-то в Польшу и прилежавшие территории, где успешно занимались сельским хозяйством и торговлей. Они образовали две большие группы: в Забайкалье в 1765 г. было поселено около 5000 чел., на Алтае – несколько

⁹ Там же. – С. 93–109; Байдун В.И. Старообрядчество Урала и самодержавие. Конец XVIII – середина XIX в. / Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1983. – С. 13–16.

¹⁰ Покровский Н.Н. Беглецы на Каранинском озере (середина XVIII в.) // Изв. Сиб. отделения АН СССР. Сер. общест. наук. – 1974. – № 1. – Вып. 1. – С. 90–95.

меньше¹¹. Так появились алтайские «поляки» и забайкальские «семейские». Им предоставили некоторые налоговые льготы, а светские власти старались не вникать в их расхождения с официальной церковью.

Вскоре ссыльные староверы образовали ряд больших и зажиточнейших поселений в Западной Сибири – Староалейское, Екатерининское, Бобровское, Секисовское, Верх-Убинское, Алейское и др. и в Восточной – Бичура, Куналей, Тарбагатай, Чикой, Мухоршибир и др. Бичура стала одним из крупнейших сел России¹².

В 1808 г. иркутский губернатор Трескин писал: «Пример редкого трудолюбия, прилежания к хлебопашеству подают поселенные в Верхнеудинском уезде старообрядцы. Они поселены лет за сорок на местах песчаных и каменистых, где даже не предвиделось возможности к земледелию, но неусыпное трудолюбие их и согласие сделало, так сказать, и камень плодородным. Ныне у них лучшие пашни, и их хлебопашество составляет им не токмо изобильное содержание, но есть главнейшая опора Верхнеудинского и Нерчинского уездов»¹³.

Следует отметить, что именно переселенцы из Польши за Байкал и на Алтай стали первыми в Сибири применять плуг, а у алтайских «поляков» его заимствовали бухтарминские «каменщики»¹⁴.

Новые направления

Со второй половины XVIII в. пути крестьянской колонизации, связанные как с ползучей миграцией, так и с тысячеверстными побегам староверов, все решительнее поворачивают на юг Сибири, Среднее Приобье и Алтай, а подчас – и за тогдашние границы России. Это вызовет еще одно успешное мероприятие Екатерины II по колонизации юго-востока

¹¹ *Болонев Ф.Ф.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII – XX вв. – М., 2004; *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест... – С. 313–315; *Покровский Н.Н.* К истории появления в Сибири забайкальских «семейских» и алтайских «поляков» // Изв. Сиб. отделения АН СССР. Сер. общест. наук. – 1975. – № 6. – Вып. 2. – С. 109–112.

¹² *Михайлович А.* Русская колонизация горного округа Алтая. – Тобольск, 1896. – С. 18; *Алексеевко Н.В.* Русская колонизация Рудного Алтая в XVIII–XIX вв. / Экономика, управление и культура Сибири (Сибирь периода феодализма, вып. 2). – Новосибирск, 1965. – С. 141–153.

¹³ *Кеткович В.А.* Семейские – староверы Забайкалья. URL: www.predistoria.org

¹⁴ *Русакова Л.М.* Орудия труда / Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Отв. ред. А.П. Окладников. – Новосибирск, 1982. – С. 179 – 180.

державы. Речь идет о «каменщиках» Алтая и их возвращении в российское подданство, результатом чего станет создание там двух весьма зажиточных волостей. В начале XX в. именно там возникнут первые русские животноводческие фермы.

Сеть тайных старообрядческих укрытий существовала в XVIII и XIX веках и на Урале, и в Сибири; со второй трети XVIII в. у староверов находили своеобразные описания тайных маршрутов в Сибирь с указанием таких убежищ. Документы фиксируют первые случаи бегства в дебри Алтайских гор, «в Камень» в 1740-х годах.

В верховьях р. Убы поселилось несколько беглецов во главе с чернецом Кузьмой Некрасовым. Путь Кузьмы, крепостного Строгановых, начался на Чусовой, продолжался через известные своими скитами Чернораменские леса, где он был пострижен легендарным о. Иовом; далее с рабочими Демидовых он ушел на Обь, в места близ Колывано-Воскресенских заводов. Здесь он скрывался 24 года у одного из окрестных крестьян, затем другой крестьянин переправил его на р. Убу. Биографии его сотоварищей были сходными. Беглецы пытались даже завести пашни вокруг своих тайных избушек, но пашни были обнаружены военной командой, а их возделыватели арестованы¹⁵.

С возникновением алтайских рудников и заводов среди ушедших в «Камень» («каменщиков») стали появляться работники этих предприятий, а также беглые рекруты, колодники. Центром и во многом символом бегства «в Камень» стали теснины и ущелья близ р. Бухтармы. Первое убежище там создали братья Селезневые, герои сибирского фольклора, бежавшие из кузнецкой тюрьмы и уведшие с собой десяток родственников. Несмотря на последовавший арест и разгром поселения, слава бухтарминских убежищ все росла, увеличивалось и их нелегальное население. В 1760–1980-х годах власти узнавали о новых десятках избушек, но уничтожение части из них не могло серьезно помешать существованию нелегальной общины, члены которой были тесно связаны законами взаимопомощи, столь традиционными у староверов. Историки иногда видели здесь параллели со взаимовыручкой членов первых протестантских общин, выживавших и богатевших во враждебном мире¹⁶.

¹⁵ Покровский Н.Н. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII в. / Крестьянство Сибири XVIII – начала XIX в. Классовая борьба, общественное сознание и культура. – Новосибирск, 1975. – С. 27–31.

¹⁶ Crummeу Robert O. The Old Believers and the World of Antichrist. The Vyg Community and the Russian State, 1694–1855. – London, 1970. – P. 135–137.

По свидетельству А. Принтца, записывавшего в 1863 г. рассказы о начале колонизации староверами Бухтармы, «каменщики, желая укрыться от всякого преследования, избирали места неприступные, в непроходимых ущельях Листвяжьего хребта, Холзуна и Катунских белков, по рекам Белой, Тургун-Усу, Бобровке, Середчихе, Поскочихе, Околенке, Берелу и прочим, текущим с правой стороны в реку Бухтарму, также близ вершин Катуня, Коксы и др... Они жили мирно, соблюдая строго старообрядческие правила веры; земля, никогда не возделанная, щедро вознаграждала труды земледельцев, звероловство давало несметные богатства промышленникам...

Отправляясь в Камень преимущественно весной, беглецы... срубали... избу, помещаясь по несколько человек вместе или останавливаясь у других, прежде там поселившихся. Вступая с ними в товарищества, они помогали в хозяйстве, засеивали хлеб, косили сено, занимались рыболовным промыслом... Промышленники составляли небольшие артели – человека по 3–4 и, пришедши на промысел, обзаводились полным хозяйством... Вначале, когда число каменщиков было невелико... они жили между собою мирно., образ их жизни был самый патриархальный. Отчужденные от общества и связанные одной участью, они жили между собою согласно и составляли род братства или товарищества; в случаях возникавших недоразумений, ссор, обид, и т.п. дела решались по приговору лучших людей, удостоенных доверием общества»¹⁷.

Но трудности суровой жизни в горах, а также появление в непосредственной близости русской горной администрации (в 1791 г. на Бухтарме был открыт самый южный, Зырянский рудник) заставили «каменщиков» просить о возвращении их в русское подданство. Екатерина II «милостиво» уважила просьбу, и 15 сентября 1791 г. последовал соответствующий указ. При этом они получили немалые привилегии: освобождение от рекрутчины и замену тяжелых податей куда менее обременительным «ясаком».

В поисках Беловодья

Эти привилегии, трудолюбие и относительная независимость «каменщиков» привели к быстрому росту числа поселений и богатства их жителей. Так, в Сибири возникли две из самых зажиточных сибирских волостей: Бухтарминская и Уймонская. По мнению К.В. Чистова, именно это способствовало появлению в конце XVIII в. на Русском Севере и в

¹⁷ *Принц* А. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в бухтарминский край в 1863 г. / Записки Русского геогр. общества по отд. общей географии. – СПб., 1867. – Т. 1. – С. 552.

Сибири утопической легенды о стране крестьянского счастья Беловодье, где нет ни налогового, ни религиозного гнета и труд на земле дает невиданные прибыли¹⁸. Легенда, ставшая известной столичному начальству в 1807 г. от томского крестьянина Бобылева, почти весь XIX в. вызывала неоднократные попытки крестьян найти прекрасную страну. Бухтарминские «каменщики» и не только они принимали в них самое деятельное участие.

Поиски эти во многом опирались на интереснейший документ крестьянского сознания, своеобразный путеводитель в Беловодье – «Путешественник», известный во многих списках (создание приписывается иноку Топозерской старообрядческой обители Марку). Здесь сообщается маршрут движения в Беловодье, приводятся реальные адреса некоторых укрывателей беглых, включая «каменщиков». К.В. Чистов, детально изучавший эти вариативные списки, особенно конец реальной части маршрута, делает важный вывод: «Итак, маршрут “Путешественника” приводит нас через Бийск в бывший Горноалтайский округ, в Бухтарминскую и Уймонскую долины»¹⁹.

Первая документально подтвержденная попытка искать Беловодье датируется 1825–1826 гг., когда в путь отправилось 43 крестьянина (включая 10 детей), приписанных к Колывано-Воскресенским заводам. В 1827 г. Ф. Паламошный увел за рубеж группу искателей Беловодья из 11 чел., а на следующий год, вернувшись, – еще 86 крестьян и заводских рабочих. В 1838–1839 гг. начальство узнало о подготовке крестьянами Огневыми большого побега, но помешать не смогло: ушло до 300 крестьян из обеих волостей «каменщиков» и соседних селян. В конце 1850-х – 1860-х годах известно несколько таких попыток, в один из побегов ушло более 100 семейств тобольских крестьян. Последние документированные попытки побегов в Беловодье с Алтая относятся к 1888 г. и 1897 г., но участники научных экспедиций фиксировали слухи о побегах, ходившие и в начале XX в.

В 1871 г. и 1884 г. вопрос о поисках страны с «истинным священством» поднимался на авторитетных екатеринбургских соборах крупнейшей урало-сибирской ветви старообрядчества – часовенных. Итогом стало известное путешествие 1898 г. группы уральских казаков в поисках Беловодья

¹⁸ Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). – СПб, 2003. – С. 279–331.

¹⁹ Там же. – С. 296; Мальцев А.И. Беловодье / Православная энциклопедия. – Т. IV. – С. 534–535.

«в Опоньском царстве»; их маршрут охватил Ближний Восток, Цейлон, Сингапур, Китай, Японию. Дневник этого путешествия, составленный Г.Т. Хохловым, был опубликован В.Г. Короленько²⁰.

Еще одно важное направление старообрядческой миграции на необжитые земли – на юг Дальнего Востока, вошедший в состав империи в конце 1850-х годов. Одновременно начался и приток туда староверов – как легальный, так и нелегальный. Предложения генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского о вольнонародном заселении Приамурья и Приморья, с дарованием свободы переселенцам из крепостных, были отвергнуты правительством, заменившим этот буржуазный проект решением о колонизации нового края ссыльными²¹. В их число вошли и староверы, хотя уже с 1860-х годов их добровольное переселение на эти территории, никак не поддерживаемое государством, стало превалировать²².

Именно эта категория населения, по общей оценке современников, добилась наибольших успехов в хозяйственном освоении края, о чем вспомнили в связи со строительством КВЖД. Проект заселения Маньчжурии силами староверов и русских сектантов был поддержан министром финансов С.Ю. Витте, который с 1900 г. вел переговоры с представителями старообрядчества. Положительный отклик обсуждение проекта получило на старообрядческих съездах, тем более что еще до введения закона о веротерпимости для переселенцев на землях, принадлежащих КВЖД,

²⁰ *Хохлов Г.Т.* Путешествие уральских казаков в Беловодское царство/ Записки Русского географ. общества по отделению этнографии. – Т. 28. – Вып. 1. – СПб, 1903. – С. 13–77; *Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Староверы-часовенные на Востоке России в XVIII–XX вв. Проблемы творчества и общественного сознания. – М., 2002. – С. 70. (О дальнейшем ходе этих споров о священстве и о нескольких поездках на Восток в поисках «истинных» иереев в последней четверти XIX – начале XX вв. см.: *Клюкина Ю.В.* Старообрядцы-часовенные Урала в конце XIX – начале XX в. / Очерки истории Урала и сопредельных территорий. – Екатеринбург, 2000. – С. 99–104).

²¹ *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири. – Новосибирск, 1998. – С.191–195.

²² *Сердюк М.Б.* Переселение старообрядцев на Дальний Восток. Проекты и их осуществление / Алтай России. – Вып. 1. – Большой Камень, 1997. – С. 44, 45.

вводились свобода вероисповедания и ряд льгот в отношении повинностей и землеотвода. Проект рухнул из-за начавшейся русско-японской войны.

В дальнейшем еще несколько подобных планов, в частности, заселения Камчатки и о. Сахалин, поддержанные, кстати, местной высшей администрацией, высоко оценивавшей колонизационный потенциал староверов, погибло в «шестеренках» имперской бюрократической машины. До революции наиболее успешно шло, как обычно, самостоятельное переселение старообрядцев на новые земли²³.

Староверы в обществе

Ко времени революции 1917 г. старообрядчество подошло на подъеме, вызванном указом о веротерпимости 1905 г. Ситуация коренным образом изменилась: работали легальные старообрядческие типографии, строились церкви и моленные дома, училища, созывались всероссийские старообрядческие съезды, староверы открыто принимали участие в общественной жизни страны.

Известно, что в Европейской России старообрядческая прослойка среди крупного купечества и предпринимательства была велика; в Сибири она тоже оказалась заметной.

«Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири» упоминает немало таких зауральских имен. Среди тюменского купечества: староверы Заиграевы, промышленники и откупщики; И.В. Барашков (содержал «раскольничью часовню»), несколько поколений семьи Молодых, Нагибины. Среди тарских купцов выделялся С.Д. Макаров, владелец водяной мельницы и маслодельных заводов (сибирское маслоделие достигло расцвета в немалой мере благодаря староверам), до 1902 г. – гласный Тарской городской думы, содержатель молельни, связанный с томскими и нижегородскими староверами (использовал кредит для привлечения в «раскол», требуя присоединиться к оному или срочно вернуть долг).

²³ Сердюк М.Б. Переселение старообрядцев на Дальний Восток. Проекты и их осуществление / Алтарь России. – Вып. 1. – Большой Камень, 1997. – С. 45–46.

Немало староверов было среди омских, томских и алтайских купцов: члены династии Сорокиных были записаны в разные купеческие гильдии Кольвани, Омска, Томска. Томский купец первой гильдии Д.И. Тецков стоял у начала пароходства в Западной Сибири, владел маслобойным и другими заводами, лавками, домами, был золотопромышленником, более 10 лет – городской голова, в течение некоторого времени – директор Сибирского общественного банка, благотворитель, отмеченный четырьмя высочайшими наградами. К томским купцам принадлежал и клан Шумиловых, основатели которого были староверами-беспоповцами Тобольской губернии.

Староверы были среди барнаульских купцов Козловых, крупнейших купцов Морозовых. Годовой оборот первогильдейца А.Г. Морозова оценивался в 1900 г. в 400 тыс. руб. С 1885 г. он избирался гласным городской думы, был членом железнодорожной комиссии в 1906 г., благотворителем. Морозовы помогли построить в 1896 г. и содержать Покровский монастырь на р. Уба (Рудный Алтай), где успешно развивалось племенное коневодство. Известной была также и купеческая фамилия барнаульских и бийских купцов Пешковых. В Восточной Сибири известны: иркутский купец второй гильдии И.Е. Тюлькин, торговец оружием и порохом, выстроивший на свои средства Покровский старообрядческий храм; крупнейшие якутские купцы Кушнаревы, один из которых, первогильдеец А.М. Кушнарев, снабжал золотопромышленников, имел магазины и филиалы в Москве, Иркутске, Томске, Охотске, Олекминске, Витиме²⁴.

Советский период

После Октябрьской революции 1917 г. старообрядческая буржуазия как составная часть этого класса исчезла вместе с ним со сцены российской истории. Осталось старообрядчество лишь

²⁴ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. – Новосибирск, 1994. – Т. 1. – Кн. 1. – С. 77–78; 1995. – Т. 2. – Кн. 1. – С. 35; 1995. – Т. 2. – Кн. 2. – С. 24, 163–164; 1996. – Т. 3. – Кн. 1. – С. 14, 56, 57, 129, 130, 139, 140; Т. 3. – Кн. 2. – С. 6, 135; 1997. – Т. 3. – Кн. 3. – С. 11, 31, 32; Т. 4. – Кн. 1. – С. 77, 78, 122–124; 1998. – Т. 4. – Кн. 2. – С. 29, 46; 1999. – Т. 4. – Кн. 3. – С. 45–49. Искренняя благодарность Е.В. Комлевой за подборку сведений по данной энциклопедии.

низших социальных слоев, в основном – крестьянское, отношения которого с новой властью стали складываться неблагоприятно по мере усиления давления на деревню и нарастания атеистической агрессии. Компромисс стал невозможен, и староверие опять встало на испытанный столетиями путь конфронтации и побега.

Вновь были объявлены незаконными старообрядческие монастыри, теперь уже как центры «антисоветской агитации и пропаганды». Их обитатели двинулись по проторенным дорогам в труднодоступные места (в тайгу, болота, горы): с Урала – на Тюменщину, в Алтайский край, Томскую область, на Дальний Восток, в Красноярский край. Так двигались, например, часовенные скиты в сопровождении сотен своих единоверцев-крестьян: голод 1920–1921 гг., подавление Западно-Сибирского крестьянского восстания привели к переселениям с Урала на Тюменщину, в конце 1920-х годов начавшаяся коллективизация и разгром женских скитов погнало их дальше, в тайгу и болота Нарымского края.

В середине 1930-х годов преследования властей настигли староверов и там: по селам прокатились массовые аресты не только «кулаков» и уклоняющихся от вступления в колхозы, но и лидеров старообрядческих общин, что вызвало всплеск тайной миграции в неосвоенные места енисейской тайги севернее Ярцево, куда ранее заходили лишь охотники. Советские чиновники репрессивной службы никогда не могли понять, почему крестьяне тайно бежали в места массовой принудительной ссылки (Нарымский край, Ярцевский район с его зловецкой пересылкой) – для староверов же отсутствие тотального вмешательства государства во внутреннюю крестьянскую жизнь было главным условием полноценного существования.

Миграцию на северо-восток остановила серия смертей от голода в бесплодных местах, а обосновавшиеся на левых притоках Енисея скиты были уничтожены в 1951 г.²⁵ Разгром восстания с участием староверов Дальнего Востока в 1932 г. и дальнейшие репрессии привели к тому, что многие ранее процветавшие районы обезлюдели, земли запустели²⁶.

²⁵ Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. – М., 2002. – С. 28–57.

²⁶ Кобко В.В. «Бикинские соборные уложения» старообрядцев-часовенных северного побережья Приморья как историко-этнографический источник / Алтай России. – Вып. 1. – С. 65, 66.

В начале 1930-х годов был нанесен непоправимый удар по хозяйству и культуре процветавших алтайских старообрядческих общин; в середине десятилетия подавили последний очаг сопротивления «раскрестьяниванию» в Уймонской долине.

Силы крестьянской части русского старообрядчества были значительно подорваны в советский период. Некоторые ушли от коллективизации за китайскую границу, через несколько десятилетий переселившись оттуда в США, Канаду, Бразилию, Австралию, где возникли большие поселения с богатыми фермерскими хозяйствами.

Небольшая часть бывших эмигрантов в Китай вернулась в Россию во второй половине XX в., поселившись, в основном, на Дальнем Востоке. Однако на родине они столкнулись все с теми же проблемами идеологического и хозяйственного прессинга государства, к которым пришлось приспособиваться. Со слов самих староверов мы знаем, что в 1990-е годы ряд старообрядческих семей попытались основать передовые фермерские хозяйства в Минусинской долине, но агрессия недавно обосновавшихся там тоталитарных сектантов, к которым благоволила местная администрация, не только не позволила осуществить проект, но и привела к полному вытеснению староверов из этого места. Во второй половине XX в. отмечалась и небольшая миграция староверов на Дальний Восток, но она не приобрела массового характера.

В 2009 г. в средствах массовой информации появились сведения о новом опыте реэмиграции: на Дальний Восток переселилось несколько заокеанских староверов. Телекомментаторы сообщали, что если они приживутся, переселиться могут многие и многие тысячи. По-видимому, успех старообрядческой колонизации страдающего от недостатка населения огромного региона будет зависеть от того, как сложатся отношения с властями людей, привыкших к свободе совести и хозяйствования. Будущее покажет.